



ЮЛИЯ
РЕЗНИК

ВСЕ
по-настоящему

Юлия Резник

Все по-настоящему

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67317792

Аннотация

Еще утром я готовился к рискованной сделке и понятия не имел, что вот-вот стану "счастливым" мужем. Одна досадная ошибка – и я мало того, что женат, так ещё и вынужден играть роль примерного семьянина. Родня в восторге, бизнес под угрозой, жена непрозрачно намекает на развод, а я... я вдруг понимаю, что многое бы отдал, чтобы все у нас было по-настоящему.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	47
Глава 6	57
Глава 7	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Юлия Резник

Все по-настоящему

Глава 1

Клим

– Дмитрий Иванович, ты можешь мне объяснить, какого хрена вообще происходит? – рычу я, старательно удерживая на губах улыбку, адресованную нашим предполагаемым бизнес-партнерам. Немцы сидят по другую сторону огромного отполированного до блеска стола, в ожидании заключения сделки, которую мы готовили долгие одиннадцать месяцев.

– Это ты мне скажи, – так же заученно скалит зубы Ливнев, – почему я последним узнаю о том, что ты накануне женился?!

К черту немцев! Перевожу взгляд на директора юридического департамента собственной корпорации.

– Ты спятил, Дима? Я? Женился?

– Свежий штамп в твоём паспорте говорит как раз об этом, – шипит он. – Нотариус не может скрепить сделку, пока твоя жена не даст согласие на отчуждение активов. Или пока мы не докажем, что у нее нет права на них претендовать.

– Что ты, мать его, такое несешь? – раздражаюсь все боль-

ше и незаметно озираюсь по сторонам. В этой жизни меня мало что может сбить с толку, но этот разговор как раз из той области.

– Лена, объясни партнерам, что мы с господином Терентьевым отойдем по срочному делу, – бросает Линеv переводчику и взглядом указывает мне на дверь. Весь такой из себя, как будто это не его долбаный департамент облажался по полной! Стискиваю зубы и, больше не глядя на немцев, выхожу из переговорной.

– Ну, что там?

Линеv, пересекая смежную с совещательной комнату, жестом фокусника выуживает из кучи сваленных на столе документов мой паспорт, раздраженно пролистывает страницы и протягивает мне, открыв на нужной. Опускаю взгляд и, как дурак, замираю с открытым ртом.

– Ну?! – наседает Линеv, сдвигая в сторону узел синего в мелкую черную крапинку галстука. – Кто так делает, Клим Николаевич?! Ты хоть брачный контракт додумался подписать?

Трясу головой, но картинка перед глазами остается неизменной.

«Зарегистрирован брак».

– Не знал, что тебе нравятся армянки.

Я тоже не знал! Да и не похожа Тата на армянку. Больше – на занозу в заднице.

Нет, все же... какого черта?!

– Послушай, Дим, это какая-то ошибка. Понятия не имею, как в моем паспорте оказалось вот это...

– То есть брак ты не заключал?

– Смеешься? Я похож на идиота?!

– Так... Дай подумать... – Линев трет виски. Рассредоточенные по периметру кабинета клерки старательно делают вид, что их здесь нет, но скрыть любопытство не могут. Еще бы – такая сенсация. Биг босса окольцевали! Хотел бы я знать, как такое произошло. – Я правильно понимаю, что ты знаешь эту... Татевик Багратовну Манукян?

– Тату? Похоже на то. Это подружка Сашкиной жены. Мы у них на свадьбе были свидетелями. Стоп! – опускаю взгляд. – Ну, ведь, и правда! В штампе указана позавчерашняя дата. Как раз, когда мой младший братец женился. Наши паспорта, как и кольца, во время церемонии были у меня... Ну, ты в курсе – это обязанность шафера – следить за такими вещами, а значит... Слушай, Дим, а какова вероятность того, что я отдал свой паспорт вместо паспорта Сашки, когда его потребовали в ЗАГСе? И если так, то почему меня женили на Тате, а не на Кире – невесте моего брата? Те тоже перепутали паспорта?

– Ты у меня спрашиваешь? – изумленно выгибает бровь Линев. – Дурдом какой-то.

– Дурдом – не дурдом! Что нам теперь делать?!

– Ну, то, что штамп поставлен ошибочно – доказать нетрудно, но запись о вашем браке каким-то образом попала

в реестр, и чтобы ее теперь аннулировать, как ты понимаешь, нам понадобится время.

– Которого у нас нет!

– Вот именно.

– И?! Думай, Дим, я тебе за это плачу!

– Так! Раз ты ее знаешь, то для тебя не станет проблемой пригласить эту... Татевик сюда?

– Только не говори мне, что хочешь, чтобы она поучаствовала в сделке.

– А что нам остается? У тебя есть другие варианты? Послушай, Клим, здесь все просто. Она даст свое согласие на продажу. Мы сразу же внесем изменения в документы – они минимальны, поэтому нам даже ждать не придется.

– Нет. Это полный бред. Я уверен, что есть какая-то альтернатива.

– Да! Я тебе ее озвучил, и мы оба пришли к выводу, что нам это не подходит.

Отбрасываю от себя паспорт и отхожу к окну. Никто из присутствующих, кажется, и не заметил моей впечатляющей по меркам любого флегматика истерики, а между тем у меня разве что только дым из ушей не валит. Делаю несколько глубоких вдохов и, понимая, что иного выхода попросту нет, подношу телефон к уху. К счастью, моя невестка отвечает сразу. На то, чтобы узнать, где мне искать свою жену, уходит от силы пара минут. И гораздо больше времени я трачу на объяснение, зачем мне вообще понадобилась Тата.

– То есть ты хочешь сказать, что наш с Сашей брак... эм... как это правильно сказать? Не заключен? А вместо этого заключен ваш... кхм, с моей Таткой?

Другая на месте Киры уже, наверное, впала бы в истерику. Но только не она. Клянусь, если бы в эту женщину не был влюблен мой брат, я бы сам с радостью на ней женился. Но младшему засранцу всегда по жизни больше везло. Вот так...

– Я не знаю, Кир. Сейчас мои юристы по своим каналам наведут справки. У них есть Сашин номер, поэтому, как только что-то станет известно – вам перезвонят. Ты, главное, не переживай. В случае чего, вас хоть сегодня распишут.

– А я и не переживаю! – смеется Кира. – И, это... Клим, поздравляю!

Ну, да... Конечно. Очень смешно. Закатываю глаза и отключаюсь.

– Елена Павловна, скажите Грише, пусть подгонит машину к входу. Мы едем в Институт сердца.

– А это еще зачем?

– Там работает Тата.

– Серьезно?

– Она – кардиохирург.

– Отлично! Я скажу немцам, что у твоей молодой жены сложная операция. Вопрос жизни и смерти для них, пожалуй, единственное достойное оправдание случившейся заминки. Сколько тебе понадобится времени? – коснется на ча-

сы.

– Понятия не имею. Елена Павловна, гляньте, что там с пробками...

– Слушай, может, ты ей просто позвонишь?!

– Как ты себе представляешь наш разговор по телефону?

– И то так... – чешет Линева в макушке. – Ну, я пойду, с ними объяснюсь. А ты давай, двигай-двигай!

К счастью, дорога свободна. Прошу водителя прибавить газа и начинаю нетерпеливо постукивать пальцами по кожаной обивке сиденья.

Татевик Багратовна Манукян. Моя жена... Подумать только. А лучше вообще не думать, потому что, как только это происходит, мои мысли сворачивают куда-то не туда. И весь деловой настрой летит напрямик к черту. Бесячья баба. Но краси-и-ивая! И страстная, и смешная... К черту. Все они сначала такие. Самое интересное начинается потом.

– Клим Николаич, приехали.

– Спасибо, Гриша.

Выхожу из машины. Оглядываюсь. Ну, с тех пор, как я здесь был в последний раз – ничего не поменялось. С Институтом сердца у моей фармацевтической компании заключено сразу несколько договоров на поставку медикаментов, а еще одна наша дочка поставляет сюда протезы сердечных клапанов. Благодаря Сашкиному изобретению, нам удалось занять существенную долю отечественного рынка в области кардиопротезирования, а при помощи все тех же немцев мы

планируем выйти и на международный уровень. Конечно же, если все не сорвется. Дерьмо.

С горем пополам нахожу нужное мне отделение. Ловлю пробегающую мимо медсестру и с самой обаятельной из всех улыбок, на которые я вообще способен, интересуюсь:

– Подскажите, пожалуйста, где я могу найти Татевик Багратовну?

– Она на операции. – Женская ручка вырывается из захвата моих пальцев. – Ожидайте.

– Я не могу ждать! У меня вопрос жизни и смерти.

– Кто-то умирает?

– Нет, но...

– А там, – тонкий палец тычет на закрытые двери в глубине коридора, – уже две остановки было. Ожидайте. А лучше приходите завтра. Таточка Багратовна сегодня не в духе.

Где-то в области глаза занимается противная пульсирующая боль.

– На сколько это может затянуться? – киваю в сторону двери.

– Должны уже были закончить, – отчего-то смягчается медсестра. – Да вы присаживайтесь, в ногах правды нет. А туда вас все равно не пустят.

Прерывая нашу беседу, злосчастная дверь в глубине коридора резко распаивается. Из нее вылетает маленькая худенькая фигурка. Она движется так быстро, что из-за развевающейся голубой робы больше походит на привидение.

Очень и очень злое... привидение.

– Ну, я же говорила! Две остановки. Таточка Багратовна такого ужас как не любит.

Привидение резко останавливается. От голубого пятна отделяются две маленькие белые ручки, касаются лица и замирают так на некоторое время, пока Тата приходит в себя. Отчего-то мое горло пересыхает. А в это время двери вновь открываются, выпуская из блока интенсивной терапии остальной персонал. Пожилой мужчина останавливается возле Таты, похлопывает ее по плечу. В коридорах довольно тихо, и до нас доносятся обрывки фраз:

– Нужно было по старинке, Тата... Это просто невероятно, то, что он выжил...

Тата приосанивается. Как будто привыкла скрывать ото всех свои истинные чувства или, не дай бог, слабость... И мне так это знакомо, но в то же время неожиданно в ее исполнении, что неволью я морщусь. А она улыбается, что-то отвечает и, стащив с головы медицинскую шапочку, отбрасывает ту в рядом стоящую урну.

– Вот же чертов упырь! Все соки он из нее выпил... – шипит рядом медсестра, но я никак не успеваю среагировать, потому что наши глаза с Татой встречаются. Наконец, «чертов упырь» заканчивает, идет мимо меня, и я получаю возможность ей все объяснить.

– Привет. Не ожидала, что ты приедешь.

– Да я и сам не ожидал, – сознаюсь прежде, чем до меня

доходит, как на самом деле она может расценить мои слова. – Кхм... Я вообще-то по делу.

Тата вздергивает совсем не по-армянски светлую бровь и одаривает меня равнодушным взглядом. Что ж... похоже, я действительно начал наш разговор не с того. Может быть, она после той ночи надеялась, что я поведу себя как-то иначе. Идиот! А ведь всего-то и нужно было, что подыграть...

– И что же за дело тебя ко мне привело?

– Чудовищная ошибка. Представляешь, в ЗАГСе что-то попутали и вместо Саши с Кирой поженили нас с тобой.

Не знаю, какой реакции я ждал. Какой угодно, но совершенно не той, что получил в итоге.

– Ты же сейчас не шутишь, да? Твои люди все выяснили?

Не знаю, радоваться или огорчаться такому трезвомыслящему подходу к сложившейся ситуации, а главное, ее абсолютной уверенности в моих возможностях.

– Да. Конечно. Ты можешь заглянуть в свой паспорт. По идее, там теперь стоит штамп.

– Великолепно. Только этого мне для полного счастья и не хватало.

Почему-то такой ответ... задевает. Вот даже не знаю, никогда не был заносчивым, но тут прям заело.

– Послушай, у меня прямо сейчас горит важная сделка. В числе прочего я продаю кое-какие активы, и поскольку я, как оказалось, в браке...

– Тебе нужно разрешение жены.

– Вот именно.

– Ладно. Я только переоденусь. Надеюсь, это не займет много времени. Я устала просто нечеловечески.

И все. Она берет и уходит, оставляя меня одного. Охреневшего от всего происходящего. И от нее... такой абсолютно другой. Закрытой. Холодной. Предельно серьезной. Не то, чтобы я хорошо знал Тату, но... ей удалось меня поразить.

Тата ненадолго запинаяется только у машины. Когда перед нами, как черт из табакерки, выпрыгивает Гриша, чтобы распахнуть дверь. Понятно, что она к такому не привыкла и немного смущена. Ну, хоть какие-то живые эмоции. А впрочем, мне-то какое дело до них? Хмурюсь все сильнее и усаживаюсь рядом. Тата вжимается в дверь. Ловлю ее взгляд и с раздражением, которого не могу скрыть, вопросительно приподнимаю бровь. Она откашливается. Отворачивается к окну. И сидит так всю дорогу до офиса. А дальше все закручивается невероятно быстро. Все же Линев – профессионал, и к тому моменту, как мы вновь возникаем на пороге переговорной, все необходимые изменения в документы уже внесены. Немцы, конечно, не слишком довольны случившейся заминкой, но с появлением Таты ситуация несколько сглаживается. Она перекидывается со стариком Шульманом парой фраз на немецком, а выяснив, что за сделка нам предстоит, вступает с ним в оживленную захватывающую дискуссию. Как два идиота, переглядываемся с Линевым и синхронно

наклоняемся к нашему переводчику.

– Лена, какого хрена вообще происходит?

Глава 2

Тата

На удивление, беседа с партнерами Клима увлекает меня настолько, что на какое-то время я даже забываю о нем самом. И знаете, для меня это целое событие. Потому что обычно, в его присутствии, я не могу связать и двух слов. А тут выясняется, что мы с младшим сыном герра Шульмана, Клаусом, проходили стажировку в одной из клиник Мюнхена, и разговор завязывается сам собой.

– Кажется, ты говорила, что очень устала и хочешь домой.

Вскидываю лицо и замираю, скованная пристальным взглядом Терентьева. Пока мы трепались с Шульманом-старшим, Клим обогнул стол и, усевшись на подлокотник моего кресла, небрежно меня приобнял, окутывая насыщенным ароматом своего разгоряченного тела, дорогущего средства для стирки и терпких духов.

Обнял так, будто мы и впрямь чертовы молодожены...

Давай, Тата! Давай... Ответь ему, у тебя получится! – отвешиваю себе мысленный подзатыльник, а толку? Залипаю на его улыбке. Дежурной и неестественной. Адресованной, конечно, не мне. А всем этим людям, которые на нас смотрят. Усилием воли заставляю себя улыбнуться в ответ и плавно сворачиваю беседу с Шульманом.

Что ж, надо признать, иногда у меня получается взять себя в руки. Я далеко не всегда веду себя так безрассудно, как вела с ним в нашу предпоследнюю встречу. За которую мне до сих пор стыдно.

В тот день Кира вытащила меня в бар.

– Кириуш, ну, не могу я! Устала – нет сил. А завтра еще эта свадьба... Пощади, а?

– То есть ты хочешь оставить лучшую подругу без девичника?! И кто ты после этого?!

– Задроченная по самое не хочу среднестатистическая тетка?

– Татка!

– Ну, а что? Я серьезно. Как вариант...

– Я раз в жизни решила оторваться, а ты хочешь обломать мне весь кайф! Разве не ты мне говорила, что в моей жизни не хватает спонтанности?! – возмущается Кира и добавляет в трубку заговорщическим шепотом: – У меня заказан столик в лучшем стриптиз-клубе города! Представляешь?!

Нет... Нет, я не представляю. Где моя Кира, а где стрип-клуб? Да и вообще, говоря о спонтанности, я немного не это имела в виду.

– И как же ты узнала об этом злачном месте?

– Неважно...

– Так-так-так! Только не говори мне, что это Сашка тебе подсказал.

– Было дело, – кается Кира со вздохом.

– Эх... – сдобрив голос щедрой порцией зависти, вздыхаю я, – ну, вот скажите, где это видано, чтобы жених организовывал своей невесте девичник? Еще и со стриптизерами! Вы точно ненормальные.

– Он просто любит меня. Ну, так что? Ты приедешь? Я скину тебе адрес, да? Ну, не одной же мне туда ехать?

Не могу ей отказать. Даже, несмотря на усталость, головную боль и две операции, которые мне еще предстоят. Это же Кирюха. Моя любимая подружка. Больше, чем подружка. Больше, чем сестра.

– Ладно, – сдаюсь. – Но не обещаю, что буду вовремя.

Кира визжит в трубку. Я закатываю глаза и сбрасываю вызов.

Как и обещала, к месту назначения добираюсь с небольшим опозданием. Кира ждет меня у гардероба, нерешительно переминаясь с ноги на ногу, и опасно косится по сторонам.

– Ну, привет, невеста! Выглядишь взволнованной, – одной рукой приобнимаю подругу, второй – пытаюсь выпутаться из рукава пуховика. Кира окидывает меня удивленным взглядом. Знаю-знаю, мой наряд – вязаный свитер под горло и черные брючки – совершенно не вписывается в здешний антураж, но у меня не было времени переодеться. Хорошо, хоть душ успела принять да белье сменить. Из-за того, что я много времени провожу на работе, у меня там всегда имеется комплект на смену. За этим я слежу так же пристально,

как за работой сердца прооперированных.

Симпатичная хостес провожает нас с Кирой за столик прямо у сцены. Переглядываемся с Кирюхой и синхронно начинаем ржать. Сашка не знает полумер – это точно.

– Надеюсь, трусы Тарзана не упадут мне в салат, – похихкивая, усаживаюсь на стул.

– Ты думаешь, они прям вот так... И трусы... – замирает с открытым ртом Кира.

– Откуда ж мне знать?

– Какой ужас, – хохочет она.

– Ну, нам определённо стоит выпить для смелости!

Похрюкиваю, заглушая смех. Открываю барную карту и не сразу замечаю случившуюся с Кирой заминку.

– Мартини или чего покрепче?

– Э-э-э... Нет, я, пожалуй, пасс.

– Что так? – удивленно вскидываю брови. Кирюха закусывает губу и улыбается как-то так, как могут разве что... – Не-е-ет, – потрясенно тяну я.

– Да-а-а! – смеется Кира, прикладывает ладошки к горящим щекам и смущенно закусывает губу.

– Ты беременная? Уже? Вот так быстро?!

– Шутишь? Мы встречаемся сколько? С пятого класса? Лет двадцать выходит, Тат. Это... логично. Не находишь? Мы и свадьбу затеяли потому, что хотели какого-то продолжения.

– Ох, ничего себе!

– Ты как будто не рада...

– Я?! Не рада?! Да ты что...

Вскакиваю из-за стола и набрасываюсь на Киру с объятьями. Я рада... я очень и очень и рада. Просто на фоне ее личного счастья моя жизнь кажется абсолютно бессмысленной. Я будто и не живу. Вокруг меня кто-то постоянно влюбляется, женится, рождает детей, а я... все мимо. И ведь ничего не изменится. Потому что мое сердце давным-давно занято тем, кто в упор меня не замечает. И не заметит уже никогда.

– Ты Сашке-то сказала?

– Нет, – улыбается эта глупая, – после свадьбы скажу. Будет ему подарок.

– Это ты хорошо придумала...

Восхищенно мотаю головой, разжимаю объятия и возвращаюсь на свое место. Поверить не могу, что моя Кирюха скоро станет мамой! Взмахом руки подзываю к себе официанта. Заказываю мартини.

– У нас акция. При заказе двух коктейлей – третий идет в подарок, – сообщает улыбчивый парень.

– Мне подходит.

– Ого! – комментирует мой заказ Кира. Пожимаю плечами:

– А что? Вон, поводов сколько! Да и операций у меня аж до вторника не предвидится.

– Ну, тогда сам бог велел. Тем более, действительно есть, что отметить! Ты уж давай тогда и за меня...

– Твое здоровье!

Первый коктейль приносят быстро – как раз к началу шоу. Мы с Кирой замираем с открытыми ртами, переглядываемся и визжим, как девчонки, когда первый из парней сбрасывает с плеч бутафорскую рубашку. Это реально... ужасно! Все эти огромные мужики, которые трясут причиндалами так близко от наших смеющихся лиц. Следом за одним коктейлем, как в сухую землю, уходят второй и третий, я повторяю заказ – давно мне не было так весело. Вхожу в раж, вставляю в рот два пальца и, надо же – не зря меня учил дядя Ваган! – свищу так громко, что мне начинают аплодировать гости за соседними столиками. Кира смеется, держась за живот и, следуя примеру других дам, лезет в сумочку за деньгами. Но пока она возится, свет неожиданно гаснет, а когда загорается вновь – парни исчезают со сцены.

– Ну, вот... – разочарованно тянет Кира. – А так хотелось!

– Ничего. Думаю, это не последний номер, – смеюсь в ответ.

– Ой! Это Сашка! – Кира хватается со стола телефон. – Я отойду ненадолго...

Как только услышала? Киваю головой, мне так весело, что я и одна не заскучаю. С жадностью выпиваю очередной коктейль. Вытряхиваю остатки льда в рот и с наслаждением, перекатываю прохладный кубик на языке. Официант подносит новую порцию. Ну, надо же, какой молодец! Какая оперативность! Мне так хорошо, что я готова обнять весь мир...

– Тук-тук! А вот и я!

– Привет, моя счастливая подруга-невеста!

– О-о-о, смотрю, кому-то уже хорошо.

– Очень хорошо! Очень!

– Надеюсь, следующая новость тебя не огорчит.

– Что за новость? – пьяно икаю я.

– Семен... Ну, помнишь, друг Сашки, который должен был быть у нас на свадьбе шафером? Так вот, он поломал ногу.

– Да ладно?!

– Угу...

Из-за выпитого алкоголя мой мозг соображает хуже обычного. Складываю в уме дважды два и, кажется, понимаю... Подозрительно свожу брови в одну линию. Нет-нет, это не какая-нибудь армянская моно-бровь. Я вообще мало что взяла от армянских родственников. Собственно, только их самих и взяла... Бесчисленное количество тетей и дядей, братьев и сестер, бабушек и дедушек, разбросанных, кажется, по всему миру. Так вот, я понимаю, что...

– И кто же будет моим... ик... моим... точнее – твоим шафером? Семен-инвалид или...

– Или... Сашка взял за жабры Клима и, в общем...

– Не-е-ет! – тяну я. – Ты не можешь так со мной поступить! Ик.

– Послушай, ну, что в этом такого, правда? Это же, наоборот, может быть, твой последний шанс!

– Шутишь?! Да он меня даже не замечает... Он и видит только этих... смазливых... ик... шпал, одного с ним роста. Нет-нет, я против, Кириуха. Слышишь? – тяжело опираясь на стол предплечьями, встаю со стула.

– Эй, ты куда?!

– Пойду ноги ломать.

– Какие ноги? Ты спятила?

– Ну, у Семена это же прокатило? Вот и я хочу... какую ломать-то? Правую? Левую? Ик.

Опускаю пьяный расфокусированный взгляд на свои коротышки. Нет, с моими ногами все в полном порядке, если говорить об анатомических пропорциях тела. Но Клим предпочитает другие соотношения. Модельные, так сказать, параметры...

– Та-а-ак, мать. Я звоню Саше.

– Зачем?

– Затем, что кое-кто из нас в лоскуты. Как-то я недоглядела.

– Вот еще! Думаешь, я сама до дома не доеду?!

– Доедешь, конечно, но лучше мы тебя подвезем.

Дальнейшие события я помню смутно. Знаю точно, что Кира звонила Сашке, а я – в такси. И оно за мной даже приехало. По крайней мере, когда Клим... да-да какого-то черта именно Клим прибыл Кире на выручку, мы на пару с замечательным водителем Убера, Дыштынбеком, пытались объяснить навигатору, куда, собственно, будет лежать наш путь.

И судя по тому, что тетенька из навигатора не понимала ни меня, ни гостя из Средней Азии, наш с Дыштынбеком уровень владения языком в тот момент примерно сравнялся.

Потом помню, как Клим вытаскивал меня из машины такси. Как о чем-то беседовал с водителем, лез за чем-то в карман, наверное, чтобы оплатить таксисту так и не оказанные услуги. А я убеждала Киру, что это все зря. И клялась, что вообще, вот ни капли не пьяная.

Не знаю, когда я уснула. До того, как мы благополучно доставили Киру домой, или после... Но зато я отчетливо помню, каким образом очутилась дома... но не у себя. И все, что происходило после... Кажется, это теперь навсегда вырезано в моей памяти.

– Тата! Тата, эй!

Моргаю. Но видение перед глазами не исчезает. Он рядом. И он... мой муж. Насмешка судьбы какая-то.

– Тебе нужно подписать. Здесь и... вот здесь.

Встряхиваю волосами. Наверное, насквозь пропитанными ароматом больницы и септиков. Это вам не духи, да. Тянусь к заботливо поданной ручке. Я подписываю столько бумажек, что за время работы моя красивая витиеватая подпись сократилась едва не до крестика. Черкаю дрожащей рукой и тут же понимаю, что практически один в один повторяю подпись Клим. Вскидываю на него полный удивления взгляд. И снова с головой погружаюсь в бездонные омуты его глаз. Если бы я знала, как сильно влюблюсь в Сашкиного

брата, пришла бы я к нему на день рождения тогда, в пятом классе? Не знаю...

Складываю в стопку подписанные документы, отдаю нотариусу и неуклюже выбираюсь из кресла.

– Все? Я больше тебе не нужна?

Морщусь от того, как это звучит. Наверное, наружу лезет подсознательное. Никак иначе я этого объяснить не могу. Я бы душу дьяволу продала за то, чтобы он нуждался во мне каждую секунду своей жизни, но... не судьба. Смирись, Татка. Не про тебя такое счастье. Где он, а где ты? Не будь Киры и Сашки, ты бы в жизни с таким мужиком не встретилась. Никогда. Довольствуйся тем, что можешь в принципе к нему прикоснуться. У других такой возможности нет.

– Да. С документами мы покончили. Но ты не торопись. Я тебя отвезу.

– Не стоит. У тебя еще полно дел, наверное.

– Я тебя сюда привез – я и отвезу. – Властные нотки в голосе Клима не оставляют мне ни единого шанса. Я едва лужей не растекаюсь аккуратно у его ног. Перед таким мужчиной, во всех смыслах этого слова мужчиной, никому не устоять. У меня просто не было шансов. И нет. Стараясь держать лицо, равнодушно пожимаю плечами, но вся моя выдержка летит к чертям, стоит только пальцам Клима коснуться моего лица. Широко распахиваю глаза и приоткрываю губы, не знаю, чем вызвана эта ласка, мне все равно...

– На нас смотрит Шульман. Улыбайся.

У Клима такая фигура, что за ним меня вообще вряд ли видно. Но я послушно растягиваю губы в улыбке:

– Надеюсь, я хорошо отыграла роль?

– Да, неплохо... – хмыкает он, не отрывая изучающего взгляда.

– Отлично. Тогда мы можем развестись? Скажем, завтра?

Глава 3

Клим

– Отлично. Тогда мы можем развестись? Скажем, завтра?

Нет, вы только на нее посмотрите! Развестись. Странная эта Тата все же. Любая другая на ее месте с ума бы сошла от счастья, а она... Развестись.

– Обсудим все по дороге домой.

– А что здесь обсуждать?

Действительно. Нечего. Вроде бы.

– Подожди меня, ладно? Елена Павловна, проводите мою... эм... жену в кабинет, – бросаю секретарше и возвращаюсь взглядом к Тате. Она хорошо держится, но теперь, в ярком обеденном свете, льющемся из окна, я вижу, как нелегко ей это дается. – Я быстро, – обещаю, сам не знаю, зачем. У меня и без немцев хватает дел, и, уж если речь идет о приличиях – отвезти Тату домой может кто угодно. В конце концов, этом вопросе важен сам факт того, что я об этом позаботился. Вряд ли Тата ждала, что я займусь этим лично.

Тата прощается с Шульманом и вслед за секретаршей выходит за дверь. Мы с немцами жмем друг другу руки, полностью довольные достигнутыми договорённостями, и обмениваемся какими-то стандартными любезностями, обычно следующими за такой сделкой.

– Герр Шульман приглашает вас с женой погостить. Его заинтересовала методика госпожи... Эм...

– Манукян. Тата не меняла фамилию, – цежу я, с трудом выдавливая из себя улыбку.

– Манукян! И он хочет, чтобы она поучаствовала в проведении первой операции по установке нашего клапана.

– Великолепно, – чертыхается за спиной Линева.

– Спокойно. Все уже подписано, – оборачиваюсь к Диме.

– Так каков наш ответ? – нервничает переводчик.

– Скажи, что у моей супруги график операций расписан на несколько месяцев вперед, но если к моменту моей командировки у нее освободится окошко – мы непременно воспользуемся его приглашением.

– И что это означает? – хмурит брови Линева, когда дверь за немецкой делегацией, наконец, закрывается. Равнодушно пожимаю плечами, скручиваю пробку на бутылке газировки и, проигнорировав стоящий рядом с ней стакан, залпом осушаю ее едва ли не наполовину.

– Да ничего.

Дима театрально закатывает глаза. Подходит немного ближе, чтобы никто посторонний нас не услышал, и разжевывает мне очевидное:

– Ты только что пообещал приехать в Германию вместе с женой.

– А что мне нужно было ему ответить, по-твоему?

– Все, что угодно, но только не то, чего ты не сможешь

выполнить.

– Ты будешь учить меня жизни?

– Господь с тобой, Клим Николаевич. Выкручивайся, как знаешь. Ты, главное, меня предупреди. Когда вас женьить-разводить. Чтобы, как говорится, потом сюрприза не было.

Киваю и снова прикладываюсь к бутылке Эвиана. Дерьмо. Влип я, конечно, конкретно. А главное, ведь на ровном месте влип. Ничто не предвещало беды, как говорится. Еще в самом начале, когда Сашка с Кирой только начали планировать свадьбу, я сразу им дал понять, что готов принять участие в этом мероприятии в какой угодно роли, но только не в роли шафера. Вот даже не просите. Серьезно. Бизнес, поглощения, многомиллиардные сделки – это моя стихия. А не гребаные свадебные конкурсы. И все бы было хорошо – Саша с Кирой вроде бы вошли в мое положение и даже особенно не настаивали на своем первоначальном плане – если бы Сёма, будь он неладен, не сломал ногу.

Скалодром! Вот какой идиот идет на скалодром накануне свадьбы лучшего друга? Впрочем, о чем это я? Туда ж и жених поперся! Вот так. Невесту, значит, на мужской стриптиз отправили, а сами на скалодром пошли. Все ж логично.

– И чем вам только не угодили красотки в бикини из страз? – мой первый вопрос, который я задаю своему младшему брату, когда он звонит мне с просьбой выручить, звучит именно так.

– Да, ну! Чего я там не видел? Слушай, Клим, ну, помоги, а? Я ж Сёму не брошу одного! Пока гипс наложат, пока то, сё... В общем, развези девочек по домам. С тебя, что, убудет? Спустись на грешную землю. Посмотри, что тут да как. Может, чего интересного обнаружишь.

Сашку хлебом не корми – дай надо мной поиздеваться. Продемонстрировать презрение к моим деньгам и статусу, который те давали. Уж потому ли, что для него они действительно ничего не значили, или по той причине, что бедность ему никогда не грозила – не знаю. Для брата материальное никогда не было самоцелью. Это я жопу рвал, чтобы удержать бизнес на плаву, после того, как отец его чуть было не обанкротил. Это я ночей не спал, придумывал схемы, шел на договорняки с чиновниками и башлял откаты... Сашка называет меня старомодным зажавшимся буржуем. Я его – недоделанным миллениалом. Так и живем. Люблю этого мелкого придурка безумно.

– Не знаю, Сань. У меня были планы на вечер.

– Ну, Кли-и-им!

Кошусь на поблескивающий в сумерках салона циферблат старого доброго Ролекса и вздыхаю в трубку:

– Ехать куда? Диктуй.

Сашка с облегченьем вздыхает.

– И это, Клим, ты ж понимаешь... Я не могу остаться без шафера. Кира меня убьет!

– Нет! Даже не проси!

Сбрасываю вызов, закрывая тему и, наплевав на две сплошные, разворачиваю машину – мне в другую сторону, извините, ребята. К счастью, бар, в котором моя замечательная невестка отмечает девичник, находится неподалеку. С трудом нахожу место для парковки, выхожу из машины. Взгляд цепляется за происходящее чуть в стороне. Узнаю темноволосую голову Киры. Меняю направление и подхожу к потрепанному Логану, молча наблюдая за происходящим. Так вот, зачем Сашке понадобилось, чтобы я развез девочек по домам. Сами-то они в таком состоянии – вряд ли куда доедут. Хотя, чего это я? Кира, похоже, трезвая, а вот ее подруга... М-да! Вот, уж, кто хедлайнер сегодняшнего вечера.

– Нельзя ее отпускать с таксистом! – заламывает руки Кира, пританцовывая от холода. Кошусь на ее обтянутые тонкими колготками ноги, качаю головой:

– Шуруй в машину. Я сейчас ее приведу.

Сашкина невеста неуверенно поглядывает в сторону Убера. А у меня нет времени на этот политес. Открываю дверь, просовываю голову в образовавшееся пространство и, поймав пьяный расфокусированный женский взгляд, командую:

– Вылезай.

– Клим? Ик.

– Ага. Давай, вылезай. Ну же...

Мне похрен, как это звучит. Главное, что она меня слушается. Тупит еще, конечно, некоторое время, но потом все же

вкладывает в мою заледеневшую ладонь свои горячие пальцы. Вот только выбраться из машины в ее состоянии не так уж просто. Я буквально выдергиваю эту пьянь из салона. Подталкиваю к своему Майбаху, на переднем сиденье которого уже устроилась Кира.

– К-куда мы едем? Ик...

– Домой, – укладываю Татку на заднем сиденье.

– Эй! Я вообще-то сидеть могу.

– Ага. Вижу, как можешь.

Пока Татка барахтается в попытке подняться, я захлопываю дверь и возвращаюсь за руль.

– Хорошо погуляли? – кошусь на невестку.

– Очень! Было весело...

– Ага. Я вижу.

Кира смеется, косится на задремавшую подругу и качает головой.

– Спасибо, что выручил. Куда ей сейчас с таксистом? В отрубях ведь совсем. Когда только успела?

– Да без проблем. Кого куда везти?

– Сначала меня домой. А потому уж Татку. Вам по одному адресу, кстати.

– Шутишь?

– Не-а. Она совсем недавно купила себе небольшую квартирку.

Даже небольшая квартирка в моем доме стоит довольно прилично. Если я ничего не путаю, Татка – обычный, ничем

не выдающийся врач. Даже странно, откуда у неё деньги на это. Любовник? Скорее всего. Она такая... довольно смазливая. Невольно бросаю взгляд в зеркало заднего вида. Татка спит, подложив под голову руку вместо подушки и поджав под себя ноги. Если Кира принарядилась по случаю девичника, то эта – не посчитала нужным. Кажется, она даже нанести макияж не удосужилась. Хотя... он ей, наверное, и не нужен – уж больно выразительная у Татки внешность. Не будь она подружкой Киры, я бы... Да, впрочем, что толку об этом говорить?

Ерзаю в кресле. Черт. Как не вовремя эти мысли... Старательно изгоняю их из головы, паркуюсь у дома брата и выхожу из салона, чтобы проводить невестку до подъезда.

– Спасибо, что согласился быть нашим шафером, – улыбается та на прощанье и целует меня по-братски в щеку. – Ты нас очень выручишь.

Ну, вот и как тут откажешь? Сашке смог запросто. Кире – нет. На это мой братец, видимо, и рассчитывал, когда нагло врал ей о том, что я согласился.

– Да брось. Мне не трудно, – выдавливаю положенные случаю слова и возвращаюсь к машине. Домой еду, то и дело поглядывая назад, на так и не проснувшуюся за все это время Татку. Как-то выросла она, пока я бежал. Незаметно даже. А ведь я ее помню маленькой. С русыми косицами, торчащими в разные стороны, и то и дело сползающими на коленках колготками.

– Эй, пьяница! Вставай, приехали.

Ноль эмоций. Закатываю глаза, просовываю руку между сидений и довольно бесцеремонно трясую Татку за плечо. А она морщит маленький нос, кладет свою ладонь на мою руку и потирается об нее щекой. И совершенно неожиданно меня ведет от этой странной неосознанной нежности. Ведет так, что миг становится жарко. Хотя я уже давным-давно выключил обогрев.

– Ну, как же ты так накушалась, а? – мне и даром не нужны эти чувства, но, будто не контролируя сам себя, я зарываюсь в ее волосы пальцами. И как раз в этот момент она резко распахивает глаза.

– Что ты сказал? – хрипит, озираясь по сторонам.

– Спрашиваю, с чего ты так наклюкалась?

– С горя! – выдает эта пьянь. – Люди влюбляются, женятся, детей рожают, а я...

Татка, наконец, садится и, неловко взмахнув рукой, нечаянно бьет себя по лбу. Закусываю изнутри щеку, чтобы не засмеяться.

– Ну, так, а тебе что мешает?

– Мешает, что? – непонимающе хлопает глазами Татка и смотрит на меня, открывшего перед ней дверь, снизу вверх.

– Влюбляться, жениться, детей рожать, – повторяю пункты из списка, вытаскивая её тушку из салона. Ну, хоть не заблевала мне здесь все. И то – хлеб.

– Так это... отсутствие возможности.

– Дурное дело не хитрое.

– Не скажи... Ик... – покачивается из стороны в сторону, как мачта на ветру, Татка. – У меня и секса-то... ик... знаешь, сколько не было?

Воу-воу! Погодите. Мы ж тут с другим разобраться пытались...

– Сколько? – сглатываю вязкий ком в горле. А эта дурочка и впрямь задумывается. Подпирает спиной раскрашенную черно-желтыми полосками сваю и, комично шевеля губами, будто действительно ведет подсчет, загибает длинные пальцы. Мой взгляд скользит вниз. Я только сейчас обращаю внимание на то, какие узкие у нее ладони. Я таких, пожалуй, не видел. Но при этом такие... Будто задубевшие. Наверное, от септиков и постоянной мойки. Руки оперирующего хирурга, вдруг вспоминаю я.

Хирурга, у которого давно не было секса.

– Два года? Или три? Не помню.

Постойте... Это она о чем?

Пока я замираю в безрезультатной попытке примерить на себя эти дикие цифры, Татка отрывается от колонны и, все также пьяно покачиваясь, направляется к лифтам. Иду за ней следом. Ну, во-первых, потому, что я обещал Кире проводить ее до квартиры, а во-вторых, потому, что этот вечер так сильно не похож на все другие мои вечера. Самое то, чтобы не закиснуть в опостылевшей череде будней.

– Какой этаж?

– Ик... Пятый?

Сам я, подобно Карлсону, живу на крыше. Мне принадлежит один из двух расположенных там пентхаусов, но на пятый, так на пятый. Лифт просторный. А мы почему-то стоим так близко, что я могу видеть янтарные крапинки в ее желтых, как у моего потерявшегося кота, глазах. Сейчас таких расфокусированных и пьяных.

Лифт звенит, двери открываются. Одновременно делаем шаг к выходу и замираем, соприкоснувшись пальцами. Сам от себя такого не ожидал. Детский сад какой-то. Хмурю брови и отступаю в сторону, пропуская Татку вперед. Она косится на меня, хлопает по карманам. Перетряхивает сумочку и виновато закусывает губу.

– Похоже, я ключи на работе забыла...

Да чтоб его все! Чего-то такого я и ожидал. Тяжело вздыхаю, вкладывая в голос всю скопившуюся во мне усталость, и равнодушно бросаю:

– На работу я тебя не повезу. Переночуешь у меня, а утром что-нибудь придумаем.

Трясу головой, возвращаясь в реальность. Линева куда-то ушел, как и его подчиненные, и я остался в огромной переговорной один. Всегда один. На какой бы вершине не был...

Впрочем, к черту эту лирику. Меня... жена ждет. Ухмыляюсь и иду к себе. Захлопываю за собой дверь, оглядываюсь в поисках Таты и обнаруживаю ее спящей на диванчике у противоположной от письменного стола стены. Подхо-

жу ближе и сажусь на подлокотник, не совсем понимая, что делать дальше.

Глава 4

Тата

Я чувствую его взгляд, но все равно не сразу заставляю себя проснуться. Стряхиваю остатки сна с ресниц, зеваю в ладошку и задираю голову к сидящему на подлокотнике дивана Климу. Он выглядит уставшим. Хотя, наверное, за столько лет, я уже должна была привыкнуть видеть его таким – с тревожными тенями, залегшими под глазами, и выражением озабоченности на лице. А еще он явно давно не стригся. Волосы Клима отрасли и собрались на голове в маленькие, делающие его облик немного более доступным, барашки. Мне так сильно хочется их коснуться, что моя рука взмывает вверх раньше, чем я успеваю обдумать, как он расценит этот мой странный жест. Зарываюсь пальцами в неожиданно мягкой шевелюре и ловлю его немного растерянный взгляд. Эта растерянность – первая живая эмоция, которую Клим позволяет мне видеть. В обычной жизни они спрятаны так далеко, что иногда я задаюсь вопросом – а остались ли в нем какие-то чувства в принципе? Выжили ли они в той бесконечной гонке, с дистанции которой он никак не заставит себя сойти, хотя давно уже может себе позволить расслабиться?

– Зарос, – комментирует очевидное Клим, потирая действительно заросшую щеку. Я улыбаюсь, касаюсь пальцами

затылка, ловлю кончиками занимающуюся в его сильном теле дрожь и резко отдергиваю руку, когда он вскакивает: – Ну, что? Едем? У меня всего ничего времени между встречами.

– Раз так, зачем тебе вообще ехать? Я и сама прекрасно доберусь.

Это даже не обида, а банальная констатация факта. Мне не нужна его помощь, я привыкла рассчитывать на себя. А Климу, ну правда, нужен хоть один такой человек. Которому ничего... абсолютно ничего от него не надо.

– Сказал же – отвезу. Нам нужно поговорить.

Пожимаю плечами. На самом деле каждая минута с ним становится для меня бесценной. И как я ни пытаюсь убедить себя забыть его, начать жить своей жизнью, дать шанс другому хорошему парню, все мои планы летят псу под хвост, стоит только Климу Терентьеву вновь возникнуть на моем горизонте.

Клим подхватывает пальто, протягивает мою куртку и, как истинный джентльмен, помогает одеться. И я стараюсь максимально растянуть этот процесс, чтобы успеть насладиться теплом его тела и ароматом. Подумать только. Он – мой муж!

Под любопытствующие взгляды офисного планктона идем к лифтам и спускаемся вниз. У выхода из здания нас уже поджидает машина. Проигнорировав водителя, Клим сам распахивает передо мной дверь и садится рядом, обладая новой порцией своего аромата.

– Так что там по поводу развода? – вложив в голос как можно больше равнодушия, интересуюсь я, напоминая скорее себе, чем ему, о том, что это все не по-настоящему.

– Я как раз хотел об этом поговорить.

– Правда? А о чем здесь разговаривать? Наверное, нам просто нужно написать заявление о разводе – и дело с концом.

– А куда нам, собственно, спешить?

– Что, прости?

Моя челюсть медленно отъезжает вниз. Даже думать не хочу о том, как глупо я, должно быть, выгляжу.

– Зачем нам разводиться так спешно?

Клим отводит взгляд, счищает несуществующую пылинку с рукава, пока я судорожно пытаюсь понять, какого хрена вообще происходит. О том, что он вдруг вспылал ко мне любовью – стараюсь не думать, хотя очень хочется думать именно так. А потом как-то вдруг доходит. Как обухом по голове:

– Тебе от меня что-то нужно, так? – невольно суживаю глаза. – Подписать еще какие-то бумаги?

– Да нет же!

– Тогда что?

– То есть ты даже мысли не допускаешь, что я хочу сохранить наш брак просто так?

Сглатываю и делаю медленный-медленный вдох-выдох. Спокойствие, Тата, только спокойствие. Он же не знает, что

заходит на запрещенную территорию, или... догадывается, после всего, что случилось? А если так – как же мерзко! Играть на чувствах влюбленной женщины...

– Ты совершенно прав, Клим. Такой мысли я не допускаю. И если после той ночи у тебя дома ты решил, что я...

– Ничего я не решил!

– Вот и правильно. Это ничего не значит. Просто я перебрала. Вот и все...

Гляжу в окно, а вижу вечер накануне свадьбы...

От двери моей квартиры к лифтам возвращаемся молча. Так же молча поднимаемся в Климов пентхаус. Я все еще пьяна, но не настолько, чтобы не понимать, что делаю. И когда нагло вру Климу про забытые на работе ключи, и когда, приняв душ в его квартире, скидываю с себя полотенце и забираюсь голой к нему под одеяло... Я дрожу от страха и глупой пьяной решимости. Почему-то я уверена, что это мой самый последний шанс. Я даже поклялась себе забыть Клима, если и в этот раз у меня не получится обратить его внимание на себя. К слову, последнее мне удастся с успехом. Вряд ли мимо него проходят мои пьяные домогательства и нелепые признания в любви. И когда он отводит от себя мои наглые ищущие руки, и когда со смехом уходит, бросив короткое:

– Ну и пьянь ты, Татка! Спутать меня с чертовым принцем...

А я не спутала! Я к нему пришла, а не к принцу... Спасибо, хоть не высмеял и позволил сохранить лицо.

Как же стыдно. Касаюсь ладонями горящих щек. Убеждаю себя, что худшее в прошлом.

– Ладно, прости. Глупо вышло.

– Это точно. Так что тебе от меня нужно?

– Да так... Ты произвела большое впечатление на Шульмана. И он хочет, чтобы ты сопровождала меня в следующей поездке.

– Я не могу.

Качаю головой и вновь отворачиваюсь. Хочу... но не могу, да. Я только настроилась начать новую жизнь, навсегда вычеркнув из нее Клим, а тут... Нет. Ни за что.

– Послушай, это будет довольно короткая поездка. Займет всего несколько дней. Три, может быть, четыре... К тому же ты сможешь поприсутствовать на операциях. Перенять опыт зарубежных коллег.

– Я не знаю...

Злюсь! Потому что лепечу совсем не то, что планировала.

– Ты нужна мне, Тат. Старик уверен, что мы женаты.

Клим берет меня за руку, привлекая к себе внимание, и осторожно сжимает пальцы. Запрещенный прием! Запрещенный прием, мать его... И как тут сдержаться? Когда меня от одного только этого касания ведет? И это его «Ты нужна мне»... Вообще ведь плевать, к чему относятся эти слова! Какая же я дуручка... А он? Вот что он со мной делает?!

Машина плавно останавливается у самого подъезда. Удивленно озираюсь по сторонам. Оказывается, мы успели

приехать...

– Мне нужно посмотреть свой график. Не факт, что получится отпроситься с работы, – отвечаю, вложив в голос как можно больше равнодушия. – Я позвоню, когда что-то решится.

Выскакиваю из машины, будто за мной черти гонятся, и взмываю вверх по ступенькам. Останавливаюсь уже в фойе. Опираюсь рукой о колонну и, сделав несколько жадных вдохов, заставляю себя двигаться дальше.

Покупка квартиры именно в этом доме сожрала все мои накопления. В том числе и от продажи прав на патент сердечного клапана, в изобретении которого я принимала участие наравне с младшим братом Клима. И это – дурость, с какой стороны ни посмотри, ведь мне не по карману содержание недвижимости подобного класса, но... Я так хотела быть ближе к Климу... Да, я жалкая. Знаю.

Открываю добротную деревянную дверь. В нос ударяет характерный неприятный запах. Так и знала, что зря подобрала эту скотину! Вот вообще не стоило... Но он был такой одинокий... К тому же я надеялась, что быстро отыщу его хозяев.

– Лорд! Лорд... Кыс-кыс...

Ну, где же ты, мохнатое отродье?!

Принюхиваюсь.

– Только не мои замшевые сапоги! Только не сапоги... Пожалуйста-пожалуйста! Подношу сапожок к носу и тут же

отбрасываю от себя. Ну, конечно, эта паршивая сволочь пометила именно их! Мои любимые... Разуваюсь и, громко топая ногами, иду на поиски гада. А тот сидит, будто ни в чем не бывало, на подоконнике в кухне и флегматично наблюдает за голубем, вышагивающим по водостоку.

– Ну?! И долго ты будешь меня терроризировать? – упираю руки в бока. И, наверное, мой разговор с котом со стороны выглядит глупо, но я-то... я-то знаю, что этот мохнатый террорист прекрасно меня понимает! И, клянусь, делает мне назло. Как будто я именно это заслужила, подобрав его на помойке... – Молчишь?! Ну, молчи-молчи!

Расстегиваю куртку, размышляя о том, что же мне теперь делать, усаживаюсь на диван и открываю поисковик на телефоне. В Вайбер один за другим сыплются сообщения. Это родня в чате с одноименным названием в очередной раз обсуждает колики у младшего сына моей троюродной сестры Гоар, или предстоящую свадьбу внучатого племянника тети Карине, Гагика, осмелившегося сделать предложение не армянке, или новый бизнес дяди Вазгена, который терпит убытки из-за проклятой глобализации.

Всезнающий Гугл говорит о том, что отучить кота метить может только один нехитрый, но действенный способ – кастрация. Будто почувствовав что-то неладное, Лорд отворачивается от окна и впивается в меня желтым немигающим взглядом. Шансы на то, что его хозяева найдутся – тают с каждым днем, как и мое терпение. Словом, тут либо кастра-

ция, либо опять на помойку. И первый вариант кажется мне намного гуманнее.

– Ну, что ты смотришь? Сам виноват! – бормочу я, набирая номер ветеринарной клинки. – Алло, здравствуйте! Мне нужно кастрировать кота... Какой возраст? Понятия не имею. Я его на помойке нашла... Нет-нет, никаких блох. Он обработан... На когда записать? А можно на завтра? Валентинов день? Правда? И что? Коты его тоже празднуют? А если нет, то запишите, будьте любезны. У меня завтра единственный выходной.

Не успеваю отключиться, как телефон снова звонит.

– Татка! – визжит в трубку Кира. – Я все жду-жду, когда ты позвонишь, а ты все молчишь! Разве так можно?!

– А что, собственно, произошло?

– Как?! Ты до сих пор не знаешь?! Про то, что вас с Климом поженили?

– Ну, допустим, это мне известно. А по какому поводу радость? Убей – не пойму.

– Ну, как же! Такая ирония судьбы... Видишь, тебе всё благоволит.

– Ага... Только Клим не очень.

– Ну, это дело наживное! Стоит подождать. В конце концов, вы теперь муж и жена. Разве ты не об этом мечтала?!

– Кир, ну, о чем ты толкуешь? – вздыхаю устало. – Разве я мечтала о том, что это будет... так?

Лорд прыгивает с подоконника, лениво потягивается и,

подойдя ко мне, начинает «бодать» мою руку, требуя ласки. Вон, как на него угроза кастрации подействовала, оказывается! Никогда до этого он и близко меня к себе не подпускал... Наклоняюсь, чтобы почесать кота за ухом.

– Да какая разница, так – не так! Теперь, когда Клим твой муж, ему сам бог велит присмотреться к тебе повнимательнее. И когда он это сделает, я уверена, сразу же в тебя влюбится!

– У него на это было двадцать лет, Кир.

– Ага. Двадцать. Ты соображаешь, что несешь? Двадцать лет назад тебе десять было! Чем бы это закончилось? Статьей за педофилию? – хохочет та.

Ну, ладно. С двадцатью годами я, конечно, погорячилась. В пятом классе, когда я сама влюбилась в Клима, у меня не было никаких шансов обратить на себя его внимание – это уж точно. Но я уже давным-давно совершеннолетняя. И не то, чтобы за это время в наших отношениях с Климом случились хоть какие-нибудь подвижки. Он просто не замечал меня. И не заметил бы, если бы не эта дурацкая ошибка в ЗАГСе!

– Не знаю, Кир. Я устала надеяться. Устала ждать...

– Но ведь не разлюбила?

– Ты ведь знаешь, что нет...

– Ну! А я о чем говорю? Это действительно шанс! Надо подумать, как отсрочить ваш развод...

– Если честно, он с ним и сам не торопится. Нас Шульман

пригласил в Германию, представляешь?

– Серьезно?! Надеюсь, ты согласилась?

– Еще нет.

– Совсем спятила?! Ты не можешь отказаться! Даже не думай.

– Не знаю, Кир... Не хочу себе давать надежду. Скорее всего, у меня опять ничего не выйдет, и... Не хочу! Слишком больно это все...

– Эй... Тата-джан! Я тебя не узнаю. Выше нос! У тебя все получится... Не знаю, как объяснить. Я это сердцем чувствую. Попробуй, а?! В самый последний раз. И если уж тут ничего не получится... клянусь, я больше не буду настаивать. Пусть этот близорукий дурак живет, как хочет!

– Не знаю, – повторяю зачем-то в очередной раз, непонятно кого убеждая.

– Татка! – грозно шипит подруга.

– Ну, ладно-ладно. Я что-нибудь придумаю...

– Что тут думать?! Соблазнять его надо, соблазнять!

Глава 5

Клим

Просыпаюсь от того, что где-то за дверью, в глубине коридора, начинает жужжать пылесос. Переворачиваюсь с боку на бок, кряхтя, встаю. Дерьмо. Я опять уснул в офисе! От неудобной позы все тело затекло, а шею напрочь заклинило. Ну, вот и какого черта я не разложил проклятый диван? Или хотя бы туфли не скинул...

Иду в ванную, умываюсь. Упираюсь ладонями в мраморную столешницу и поднимаю взгляд к собственному отражению в зеркале. Не то, чтобы я слишком парился по поводу своей внешности, но... С этим точно надо что-нибудь делать. Например, больше отдыхать, спать хотя бы по шесть часов в сутки и нормально питаться. Растираю руками лицо – жаль, что вот так запросто не разглядишь усталость, и выхожу прочь из ванной. В офисе никого. Не спит разве что служба клининга, рабочий день которой начинается за пару часов до всех остальных. Киваю девочкам в униформе и, зевая на ходу, шаркаю к лифтам. Гришу я давно отпустил, поэтому за руль сажусь сам. Домой... Может быть, даже попробую сделать себе выходной. Потому что устал просто нечеловечески.

А город, как назло, стоит в пробках. За ночь намело снега,

и снегоуборщики не справляются. Колеса буксуют в вязкой снежной каше, нетерпеливо гудят клаксоны, а я изо всех сил стараюсь не уснуть прямо посреди этого февральского Армагеддона. По радио совсем не по-утреннему бодрый диктор поздравляет страну с Днем влюбленных. Никогда не понимал этого праздника. Да и не праздновал его никогда. Хотя... нет. Однажды было. С моей бывшей... Ужин в пафосном ресторане, изысканное белье... Секс, который должен был стать особенным, но не стал. Трахался я в то время по большей части с работой. Хотя, почему в то время? Сейчас в этом плане ничего не поменялось. Зажмуриваюсь, в попытке припомнить, когда у меня в последний раз был секс, и... не могу. А самое удивительное, что даже не хочется... Вообще ничего не хочется. А впрочем, вру! Имеется за мной один грешок. Снова притормаживаю на светофоре и мысленно возвращаюсь в ночь накануне Сашкиной свадьбы.

Я не сплю, зачем-то прислушиваюсь к звукам притихшего дома. Сначала в гостевой ванной шумит вода, потом все смолкает. В тишине квартиры шаги Таткиных босых ног звучат ненормально громко. Она пьяная, а значит, не представляет для меня интереса. Клянусь, сначала я вообще не думаю ни о чем таком. Ну, или загоняю эти мысли подальше, не знаю... Но все меняется, стоит ей открыть дверь в мою спальню и скинуть с себя полотенце. В противоположную от кровати стену вмонтирован огромный аквариум. И его подсветки вполне хватает, чтобы разглядеть Татку в деталях.

А смотреть там действительно есть на что. Она безупречна. Маленькая, ладная, красивая... С длинными ногами, покатыми бедрами и самой шикарной грудью из всех, что я когда-либо видел. Татка пересекает комнату, забирается под одеяло и прижимается ко мне со спины. Клянусь, острые пики ее сосков оставляют на моей коже ожоги.

– Я люблю тебя, – шепчет, прокладывая дорожку вниз по лунке позвоночника. У меня крепко стоит – стыдиться нечего, но когда ее проворная ладошка скользит вниз, я отвожу Таткину руку, не давая себя коснуться. Потому что... ну, она же пьяная, господи! И наверняка меня с кем-то спутала. С тем, кому сейчас признается в любви. Выбираюсь из постели, бормочу что-то наигранно бодро о том, какая она пьянь, и тихонько ретируюсь из собственной же комнаты. Ага... она – пьянь. А я – гребаный извращенец. Никак иначе я свой стояк объяснить не могу.

Возвращая меня в реальность, наконец, загорается зеленый, я проезжаю еще пару кварталов, чудом проскакивая светофоры, и сворачиваю к своему дому. По случаю утра на въезде в паркинг – ни одной машины. А вот на выезде – целая очередь. Паркуюсь. Ставлю машину на сигнализацию и топаю к лифтам, когда замечаю прелюбопытнейшую картину.

– Лорд... Ло-о-о-орд! Кыс-кыс, мой хороший...

Взгляд заливает на выпяченной вверх Таткиной попке.

– Ах ты ж маленький мохнатый засранец! – пыхтит она, в

безрезультатной попытке выловить из-под машины спрятавшегося кота.

– Нужна помощь? – подхожу ближе.

Тата оборачивается, сдувает упавшие на глаза пряди и неуверенно пожимает плечами:

– Там мой кот. И если, – она подносит к лицу телефон, – через пять минут мы не выедем, то плакала наша кастрация.

Последнее слово заставляет меня передернуться. Сажусь на корточки рядом с Таткой, полы пальто укрывают асфальт, но мне плевать. Заглядываю под машину:

– Эй, парень! Сиди там и не высовывайся. Мой тебе совет.

– Ха-ха! Очень смешно, – обиженно сопит Татка. – Он же не в твои ботинки нагадил!

– И только за это ты готова лишиться мужика самого драгоценного? Очень по-женски! Да еще какой день выбрала – это ж надо...

– Какой? – сузившиеся в щелочку глаза Татки не сулят мне ничего хорошего, но мне почему-то нравится ее дразнить.

– Так День всех влюбленных. Как ты ему после этого будешь в глаза смотреть?

Татка закусывает губу и хлопает желтыми, как у сидящего под машиной кота, глазами. Разница лишь в том, что у нее они не светятся в темноте. А я снова залипаю на ней и пропускаю момент, когда кот выбирается из своего укрытия. Возвращаюсь в реальность, лишь когда он с громким оби-

женным «Мя!» сигает мне на руки. В последнюю секунду успеваю его подхватить, неуклюже заваливаясь на задницу.

– Стасян? – открываю рот, с трудом узнавая в подстриженном едва ли не под ноль коте, свою, когда-то пушистую, потеряшку.

– Мя! – жалуется тот и бросает через плечо на Татку полный осуждения взгляд.

– Стасян! Нашелся! Ну, надо же... Я уже решил – все! Потерял тебя...

Говоря откровенно, я никогда не думал, что вот так прикиплю к животинке. Ну, может быть, к собаке... Лабрадору там, или ротвейлеру. Но к коту... Нет, такого я не мог и представить. Так что, когда в закутке у входной двери обнаружился не пойми откуда там взявшийся маленький, едва открывший глазки котенок, думал, накормлю его и отправлю в люди. Ну, знаете, в какой-нибудь приют для животных. Но Стасян задержался на день, потом на два, потом на неделю, а спустя месяц я вынужден был признать, что он прописался в моей квартире навечно.

– Так это твой кот?!

– Угу. А ты мало того, что сделала ему совершенно идиотскую стрижку, с которой он в глаза другим котам не сможет смотреть, так еще и хотела кастрировать... – шиплю, поднимаясь с асфальта.

– Мя!

– Никогда ее не простим. Ты прав.

– Да не подстригала я его! Он уже был такой, когда я нашла его на помойке. А то, что кастрировать хотела, так это... это потому, что он не оставил мне выбора!

– Мя! – возмутился Стасян, презрительно косясь на Татку.

– Ах ты ж... Ах ты ж... врун! Гадкий шерстяной мешок с костями! Я тебя спасла от голодной смерти, и вот, значит, какая благодарность?! – взъелась Татка, уперев руки в бока. И это, наверное, выглядит смешно... Но она так горяча в гневе, что лично мне становится совсем не до смеха.

– Так это точно не ты его подстригла? – в горле пересохло, и оттого мой голос звучит чуть более хрипло.

– А какой мне смысл тебе врать?! – И впрямь. Смысла никакого. Поэтому я неопределенно пожимаю плечами и крепче прижимаю к себе удивительно тощего из-за отсутствия пушистой шубы друга. – Так, ладно... Раз вы нашлись, я, пожалуй, пойду. Займусь чем-нибудь полезным. Как я понимаю, кастрировать ты его не собираешься?

– Мя! – возмущается Стасян и пребольно впивается когтями мне в руку. Будто это я озвучил такую крамольщину.

– Нет, конечно! – успокаивающе чешу Стасяна за ухом.

– Тогда я отменю запись к ветеринару. Счастливо оставаться.

И прежде, чем я успеваю среагировать, Татка скрывается в лифте. Переглядываемся с котом. К которому, откровенно говоря, у меня тоже имеются претензии, но я так рад, что он

нашелся, что позволяю себе лишь легонько его пожурить за неподобающее поведение в гостях.

С опозданием замечаю брошенную Таткой переноску. Она здорово потратилась на Стасяна – факт. Прибавь к этому ботинки, которые он испортил, затраты на корм и лоток... Выходит, я задолжал Татке немалую сумму, которую следовало бы вернуть. Поднимаемся домой. Только там спускаю Стасяна с рук, радуясь, что мне больше не придется возвращаться в пустую квартиру. Я, может быть, поэтому в офисе и ночевал – потому что здесь тошно было.

Наступая на задники, разубаюсь. Не понимаю привычки ходить по дому обутыми. На часах нет и девяти, я планировал выспаться, но случившиеся события снимают сон, как рукой. Пока Стасян заново обнюхивает свои владения, насыпаю ему корм. Сам бы тоже от завтрака не отказался, но в холодильнике – шаром покати. С тех пор, как уволилась моя повариха, я все не найду времени, чтобы подобрать ей замену. Да и вообще мне сложно впускать постороннего в дом.

Достаю телефон, открываю приложение с доставкой. Вся лента пестрит вызывающими алыми сердцами. Господи, какая безвкусица... Еще больше радуют праздничные названия блюд. Салат «Стрела Амура», ростбиф «Пылающее сердце» и макароны «Для любимой».

Пока я прикидываю свои шансы выиграть суд по делу о дискриминации холостяков, что-нибудь вроде «Одинокий волк Клим Терентьев против ДеливириКлаб», Стасян запы-

гивает на бар и, важно расхаживая между бутылками, обнюхивает все кругом.

– Думаешь, стоит выпить?

Вообще-то я стараюсь этим не злоупотреблять. Пить одному в четырех стенах как-то... странно. Беру из бара бутылку Просекко... кручу в руках. Вообще-то, при желании, мне, наверное, не составит труда найти компанию на сегодняшний вечер. Просто подними трубку и набери... Настю, Лизу или Сюзанну. Но я не уверен, что мне это нужно. К тому же как-то неправильно женатому мужчине... Так, стоп! Я ведь женат. Женат на симпатичной молодой женщине, которая несколькими этажами ниже наверняка томится одна. Или... Черт! Вполне возможно, что не томится. Скорее всего, так и есть... Скорее всего, она ждет того, кому признавалась в любви, лежа, на минуточку, в моей постели! Не знаю, почему эта мысль задевает меня так сильно. Ну, ведь глупость чистой воды! Да если бы не чертово радио, я бы и знать не знал об этом проклятом празднике... Какое мне дело, как она планирует его провести?

Отставляю в сторону бутылку и иду в душ. К черту это все...

А еще спустя час плюю на все и все же выхожу из квартиры. В руках все та же бутылка Просекко. Подарок так себе. Вроде как не настоящий. Впрочем, жена у меня тоже фальшивая, так что...

Спускаюсь на пятый этаж. Ну, вылитый принц – в домаш-

нем и сланцах на босу ногу. Прикладываю палец к звонку и замираю, давая себе последний шанс сбежать. Но какой-то чертик внутри заставляет меня надавить на кнопку. Десять секунд... двадцать. И хоть за дверью явно слышится шум, открывать мне никто не торопится. Чувствую себя – дурак дураком. И уже хочу уйти, когда, наконец, мне открывают.

– Э-э-э... Привет. Что-то случилось?

Татка тоже в домашнем. В удобных застиранных не меньше моих штанах для йоги, футболке с растянутым воротом и с томатными разводами на щеке. Но поражает меня не это. А сидящая на её бедре девочка. И две другие кудрявые головы, с любопытством выглядывающие из-за двери.

– Да так. Хотел отметить день Валентина, – демонстративно вытягиваю перед собой бутылку и снова кошусь вниз на детей.

– Ну, проходи, раз хотел, – чему-то улыбается Татка. – У нас как раз бозбаш поспел. Ты голоден?

Татка отходит в сторону. Я нерешительно переступаю порог и с наслаждением вдыхаю витающие в воздухе вкусные ароматы. Мясо, томаты, чеснок... Еще немного, и я закапаю натертый до блеска пол слюной. Под любопытными взглядами улыбающихся детей стаскиваю сланцы.

– Это мои племянники. В честь праздника их родители решили устроить себе романтик, а мне отвели роль няньки. Это – Гамлет, это – Наринэ, а эта прекрасная малышка эээ... кажется, моя внучатая племянница Седа. Ну, что стоишь?

Пойдем праздновать. Где-то в ящике был штопор. Тебе побольше положить? – Тата спускает с рук малышку, и дети, схватив какие-то сладости, уносятся из кухни прочь. А я послушно открываю шкафчик, достаю штопор и принимаюсь откупоривать бутылку. Повисает уютная пауза, которую за чем-то, скорее всего по привычке, я тороплюсь нарушить:

– А почему детей решили свалить именно на тебя? Твой мужчина разве не захочет провести этот день... хм... иначе?

– Мой мужчина? – вскидывает брови Тата, ставя на стол передо мной тарелку с густым, одуряюще пахнущим супом.

– Ну... Тот... с которым ты меня тогда спутала.

Несколько секунд Татка смотрит на меня абсолютно непонимающе. Потом отворачивается и отвечает странным голосом:

– Нет... Думаю, не захочет. Мои чувства, к сожалению, не взаимны.

Глава 6

Тата

Болван! Ну, какой же болван, господи! Кажется, уже любовью дурак бы понял, что нет... ну, нет у меня никаких мужчин, и быть не может. Я вообще не знаю, есть ли в нашем окружении хоть кто-то, кто не догадывается о моей слепой любви к Климу. И только до него все никак не дойдет...

– Безответные? Хм... А ты все способы перепробовала?

– О каких способах речь?

Тянусь за чашкой, краем глаза замечаю на себе его заинтересованный взгляд, но тут же себя одергиваю. Не может быть. Показалось. Или... все же нет? Какой у меня шанс соблазнить Клима? Что, если прислушаться к советам Киры и действительно попытаться?

Ага! Соблазнить. Как же... Не в таком виде – это уж точно. Взгляд цепляется за собственное отражение в стеклянной створке кухонного шкафчика. Наливаю чай, едва сдерживая нервный смех. Видок у меня еще тот, надо заметить. Майка эта дурацкая, которую я давным-давно хочу выбросить, застиранные лосины... И под ними обычные хлопковые трусы – оберег от секса. В которых ни одной нормальной женщине даже в голову не придет приставать к своему мужчине.

– Ну-у-у... – поигрывает бровями Клим, когда я оборачиваюсь. Подношу чашку к губам, пряча улыбку.

– Предлагаешь мне его соблазнить?

– Почему это так тебя удивляет?

– Наверное, потому, что иногда мне кажется, будто ты до сих пор думаешь, что мне десять.

Клим перестает орудовать ложкой. Медленно-медленно, будто поджигая, проходится взглядом вверх по моим ногам, бедрам и выше. И мое тело откликается в тот же момент. Ни чем не скованная грудь напрягается, соски натягивают застиранную ткань майки, а мышцы живота начинают конвульсивно сжиматься, распространяя по телу сладкие импульсы.

– Я так не думаю.

Ох! Опять показалось? Или в его голосе действительно прибавилось чувств?

Прерывая мои мысли, в кухню забегают дети.

– Тата-дажн! Тата-джан! А он отобрал у Седа зайца, и теперь она плачет!

– А вот и не отбирал!

– А вот и отобрал!

– Она сама дала мне!

– Так! Ну-ка, прекратить скандал. Вижу, кому-то уже пора спать.

– Я большой, и не сплю днем, – хмурит темные брови пятилетний Гамлет.

– И я не шплю! – хнычет Седа, потирая сонные глаза ма-

ленькими ручками с налипшими на них крошками от печенья.

Оглядываюсь на Клима. Должно быть, он себя чувствует инопланетянином, которого выбросило за грани привычного мира. Улыбаюсь.

– Похоже, у нас никто не спит. Тогда сон отменяется! А вместо этого все пойдут смотреть мультики...

– Ура! – визжат дети.

– Я сейчас, – бросаю Климу. – Только телевизор включу.

Треплю малышку Седу по кудрявой голове, раскладываю диван и, разбросав подушки, чтобы малышам было поудобнее, включаю мультики. Гамлет, Седа и Наринэ зачарованно залипают на картинке, и до них даже не сразу доходит, что что-то не так.

– Я ничего не понимаю! – оборачивается ко мне Наринэ.

Еще бы. Мультики-то на Китайском. С тех пор, как мой спутник поймал этот канал, я прямо не могу нарадоваться.

– И я не понимаю!

– И я...

– Ну, надо же. Это, наверное, потому, что вы очень устали, – отвечаю я, бросая на Клима лукавый взгляд.

– И что же делать? Мы теперь никогда не поймем мультики?

Священный ужас на лице Гамлета заставляет меня улыбнуться. Качаю головой:

– Нет, конечно. Думаю, если вы немного поспите – все тут

же наладится.

Знаю-знаю! Это довольно коварно, зато как действенно! Дети тут же без всяких споров укладываются на диван и послушно закрывают глазки. Конечно, после того, как они поспят, я включу тот же мультик на русском, и они еще долго не узнают, как ловко я их провела. Накрываю ребятню пледом, оборачиваюсь и... вздрагиваю, чуть было не наткнувшись на Клима. Я, наверное, никогда не смогу привыкнуть к его присутствию. Каждая клетка моего тела, будто настроенная на него, мгновенно реагирует. Стоит ему подойти чуть ближе – и все, меня до костей пробирает.

– Не знал, что ты такая коварная и находчивая, – шепчет Клим, поднимая перед собой бутылку вина в вопросительном жесте. Так же жестом я указываю на дверь. Клим послушно топает к выходу, предварительно захватив бокалы.

– Я тебя догоню, только сыра нарежу, – шепчу ему вслед.

На все про все у меня уходит всего каких-то пару минут, но когда я, осторожно придерживая тарелку рукой, возвращаюсь в спальню – единственную свободную комнату в моем доме, Клим уже спит. Закусываю губу. Подхожу ближе. На тумбочке у кровати стоит уже откупоренная бутылка Просекко. Ставлю рядом тарелку и осторожно, стараясь не шуметь, опускаюсь на пол рядом с кроватью. В пятую точку впиваются брошенные детьми карандаши. Выгребаю их из-под себя. Задерживаюсь взглядом на рисунке Наринэ – пузатом ярко-красном сердце с воткнутой в него стрелой. Пе-

ревожу взгляд на Клима. Чувствую себя почти что преступницей, но меня это не волнует. Не знаю, будет ли у меня еще один шанс подобраться к нему так близко.

Ох, и здоровый же он! Пожалуй, за последнее время поправился... А вот морщины, усталость и цвет лица – мне совсем не нравятся. Но не потому, что они его как-то портят, нет. Я о нем как врач беспокоюсь. Ведь реально видно, как сильно он себя загнал! Вон... даже во сне хмурится. Я уж молчу о том, что он в принципе смог уснуть. Вот так. В чужом доме, в чужой постели... За каких-то пару минут, что меня не было. Поднимаю руку, веду дрожащими пальцами, будто в попытке разгладить тревожные складочки на его лбу. Едва-едва касаюсь щетины. Зажмуриваюсь и представляю, что почувствовала бы, если бы он меня поцеловал... Клим шевелится, я испуганно отдергиваю ладонь, но он лишь меняет положение. Залипаю взглядом на его сильной руке, покоящейся на животе. Красивая рука. Настоящая. С выступающими реками вен, особенно заметных на тыльной стороне ладони.

Вздыхаю. Поднимаюсь с пола, обхожу кровать и тихонько, как мышка, укладываюсь рядом с Климом. Все, что я хочу, так это недолго побыть с ним рядом и так же тихо уйти, но меня убаюкивает его размеренное дыхание и сумрак снежного февральского дня. Совершенно неожиданно для себя я засыпаю. А просыпаюсь от странного чувства. Знаете, будто на тебя кто-то смотрит – и очень давно.

Открываю глаза и встречаюсь с шоколадным любопытным взглядом Наринэ. На моей груди совершенно бесцеремонно покоится рука Клима, а его тяжелая нога, перекинута поперек моих бедер, и вся я так тесно к нему прижата, что с трудом понимаю, почему до сих пор не задохнулась. Тянусь за телефоном, чтобы проверить время. Ну, ничего себе! Седьмой час! Вот это горазды мы дрыхнуть...

– Ты давно не спишь? – шепотом спрашиваю у племянницы. А впрочем, зря я шепчу – мои барахтанья не прошли даром. И невнятное бормотание Клима, как и чуть сильнее сжавшаяся на моей груди рука, говорят о том, что он тоже вот-вот проснется.

– Целую вечность, – вздыхает Наринэ.

Целая вечность в понятии ребенка может означать как несколько секунд, так и пару часов. Закатываю глаза и осторожно выбираюсь из медвежьих объятий Терентьева.

– Это твой муж? – пухлый пальчик Наринэ указывает мне за спину.

– Что? Нет, конечно!

– Тогда, почему он тебя трогает?

Открываю рот, чтобы как-то объяснить любопытной Варваре сей факт, но, так ничего и не сказав, замираю, глядя в серебристые глаза Клима. Синхронно опускаем взгляд вниз, туда, где в чаше его широкой ладони все еще покоится моя ставшая такой чувствительной грудь, и так же синхронно сглатываем.

Понимаю, что в бедро мне упирается отнюдь не коленка, вспыхиваю, будто мне снова пятнадцать, и пулей вылетаю из постели.

– Так... Кто у нас еще проснулся? Седа? – Наринэ качает головой, отчего черные упругие кудряшки на ее голове подпрыгивают, – Гамлет?

– Все проснулись. Одни вы спите. Целую вечность, – во второй раз повторяет малышка. А я уже в красках вижу, как в чате с названьем «Родня» выстреливает эта новость. «Тетя Тата и ее *не* муж спали *целую вечность*. А еще он ее *трогал*». Определенно мы возглавим новостной топ.

Ну, какое же дерьмо, господи! Как будто мало мне бесконечных разговоров о том, как устроить мою гребаную одинокую жизнь. Seriously, кажется, этим вопросом озабочены все армяне на Земле.

– Так, ну-ка, пойдем, посмотрим, сработал ли наш трюк!

– Трюк?

– Ага. Теперь вы должны понимать мультики, забыла?

Оборачиваюсь лишь у двери. Надеюсь, сумрак комнаты скрыл алый цвет моих щек. Принимаю самый независимый вид из всех находящихся в моем покер-фэйс арсенале. Подпираю плечом дверной косяк, складываю на груди руки:

– Нальешь вина? Обидно будет, если оно испарится.

– Кхм... да, конечно.

Включаю малышне мультики и под дикий визг – еще бы, фокус со сном удался! – кошусь на часы. По всему выходит,

что скоро за ними приедут. Остается только скрестить пальцы, понадеявшись на то, что Наринэ забудет о том, что видела. Иначе мне конец.

Клим выходит из спальни с двумя бокалами Просекко. Протягивает один мне. Отпивает из другого, наблюдая за мной, как мне кажется, излишне пристально. Чтобы скрыть смущение, начинаю перебирать детские рисунки, которых полно и здесь. Это первый Валентинов день, который я встречаю с женщиной, и определенно самый странный. Во-первых, потому, что совершенно неожиданно рядом со мной тот самый, а во-вторых, потому, что мы проводим его... вот так.

– Это что?

Похоже, смущена не только я одна. Ну, не могут же его и впрямь интересовать детские художества?

– Похоже на Валентинку. Знаешь, такие открытки, которые дарят в этот праздник друг другу.

Клим берет согнутую пополам бумажку, раскрывает её и заливает на довольно сомнительном художестве трехлетней Седы. Как будто перед ним картина какого-нибудь великого импрессиониста, а он что-то понимает в искусстве. Не знаю, может быть, в этом вопросе мы с ним не сходимся, но вот лично мне сложно найти какой-то смысл в каракулях и пятнах. Впрочем, я могу быть предвзята. Мой биологический отец – тот еще импрессионист. Как-то я видела его выставку по телевизору. Собственно, как и самого отца.

– А где моя?

– Кто?

– Что! Валентинка.

– Ты шутишь?

– Вот еще. Я, можно сказать, первый раз в жизни день влюбленных праздную, а моя жена даже о подарке не позаботилась!

– Тш-ш-ш! – делаю страшные глаза и киваю на детей. – Я ненастоящая жена!

– А как же документ? – сделав ударение на вторую гласную, шевелит бровями Клим.

– Хочешь Валентинку? Ладно... Тогда я требую подарок взамен!

– Колечко с большим бриллиантом? Или маленькую яхту? – прищуривается тот. Презрительно морщит нос, протягиваю Климу чистый лист офисной бумаги, фломастеры и под его почему-то изумленным взглядом берусь за простой карандаш. Отпиваю из бокала, задумчиво закусываю губу, быстрыми штрихами прорисовываю контур сердца. Настоящего, а не того, что лепят на поздравительные открытки. Рисую правый и левый желудочки, коронарные артерии, верхнюю и нижнюю полые вены, аорту... Прикусываю кончик карандаша, обдумывая, чего бы добавить для полноты картины – по идее, логичным было бы нарисовать капли крови, но я-то знаю – если задеть аорту – кровяца будет бить фонтаном до самого потолка. Впрочем, наверное, можно сделать

скидку на достоверность. Изображаю крупную каплю и две поменьше. А под ними черную кровавую лужу.

В дверь звонят. Удивленно гляжу на Клима и, быстро дописав «С любовью. Татевик», выскакиваю в коридор. Следом за мной, конечно же, высыпают и дети. Открываю замок, распахиваю дверь, впуская в квартиру ураган по имени...

– Мама?! А ты почему... как... А где Ануш?!

– Я вместо неё! Ну-ка, дай на тебя посмотрю...

– Ани-джан! Ани-джан! – захлебывается восторгом Седа, бросаясь в объятия моей матери.

– Вот! – бормочет она, одной рукой подхватывая маленький ураган, а второй – протягивая мне бутылку, – дядя Гагик передал из Еревана.

Я забираю презент из маминых рук и замечаю, как в один момент ее лицо меняется. И, кажется, я знаю, что становится тому причиной.

– Добрый вечер, – слышу хриплый голос за спиной. Мать переводит на меня вопросительный взгляд и высоко-высоко приподнимает черную бровь.

– Добрый... А это...

– Это *не* муж! Они спали с Татой-джан*целую вечность*. А потом он ее *трогал*. – Пухлая ручка Наринэ ложится на плоскую грудь, а бровки со значением поднимаются вверх.

Да чтоб его!

Глава 7

Клим

– Это *не* муж! Они спали с Татой-джанцелую вечность. А потом он ее *трогал*.

Ах, ты ж маленькое чудовище! Не знаю, плакать мне или смеяться. Закусываю щеку и учтиво киваю стоящей напротив женщине, взгляд которой прожигает меня каленым железом. Кошусь на Тату. А ведь я ее и правда трогал. Да еще как. Ладонь до сих пор горит, особенно в том месте, куда в нее утыкалась острая напряженная вершинка. Волна желания со скоростью лесного пожара распространяется по телу и огненным шаром сворачивается вниз живота. Скрещиваю ноги, чтобы окончательно не спалиться, и, откашлявшись несколько раз, бросаю:

– Собственно, все немного не так.

– Вы не трогали мою дочь? – черная бровь Ани взмывает аж до самой кромки таких же черных волос. Понять не могу, как у такой женщины могла родиться настолько не похожая на нее дочь. Я не врач и не генетик, но даже мне известно, что обычно темные гены являются доминантными.

– Нет, я не об этом.

– Вы не спали с моей дочерью целую вечность? Или, может быть, вы все же женаты?

– Нет! То есть да. Женаты.

– Да чтоб тебя! – тихонько выдыхает Татка и, что есть сил, тычет меня в бок. Наверное, это движение предполагалось незаметным, да только ничего не вышло. Цепкий взгляд моей новоиспеченной тещи подмечает, кажется, все.

– Ани-джан, я тебе нарисовала открытку.

Господи, благослови малышку Седу!

– Ох, какая красота! – тянет Таткина мать, присаживаясь на корточки.

– Мы сейчас, мам...

Пока Ани разглядывает нарисованные детьми открытки, Тата оттесняет меня из коридора в комнату и, захлопнув дверь, шипит:

– Какого черта?! Ты спятил?

Клянусь, она налетает на меня маленьким злющим ураганом. Того и гляди задаст мне трепку, а пока только в грудь толкает.

– Эй? Да что я такого сделал?

– А ты не знаешь?! – сдувает упавшую на глаза прядь. – Ты сказал, что мы женаты! Ты вообще представляешь, как меня подставил? Да мне ведь жизни теперь покоя не будет! Меня же с потрохами сожрут...

– Это еще почему?

Мой вопрос сбивает Татку с толку. Она прекращает меня толкать и замирает, обжигая яростным взглядом и теплым, сбившимся от усилий, дыханием.

– Да потому, что вся моя армянская родня спит и видит мою свадьбу. Как прикажешь им объяснять, что наш брак – фикция?!

– Никак, – выдаю я неожиданно даже для себя.

– Что, прости? – красивый чувственный рот Татки округляется и это выглядит довольно комично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.